

В.С. Морозова

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРИГРАНИЧНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КЛАСТЕР» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Акцентируется внимание на объективации понятия «приграничный социокультурный кластер» в контексте его культурфилософского наполнения. Для решения поставленной проблемы представлен комплексный обзор теоретических концепций российских и китайских ученых, а также проанализированы особенности функционирования самого кластерного образования в российско-китайском приграничье. Сформулировано авторское определение исходного понятия как функционирующего в трех культурных измерениях – инокультурном, национальном и локальном.

Ключевые слова: культурфилософская рефлексия; компаративистика; кластеризация приграничных пространств; приграничное сотрудничество РФ–КНР; региональная культура; социокультурная специфика; приграничный социокультурный кластер.

Сегодня исследование социокультурной специфики определяет новые ориентиры и новые парадигмы выявления общего и уникального в различных региональных культурах, что сопровождается уточнением их теоретико-методологических основ. В этом контексте западная и восточная культура не являются исключением. Постановка аналогичных вопросов в работах российских и зарубежных авторов говорит об актуальности и значимости компаративистского исследования вопросов теоретического обоснования новых терминов и явлений, к которым относится и «приграничный социокультурный кластер».

В настоящее время противоречивы подходы к его концептуальному объяснению и интерпретации, а также возникает проблема его сопоставимости в российской и китайской методологии, которая находится на начальном этапе своего становления. Основная сложность, по мнению автора, сегодня исходит из первоначального неверного понимания того, что есть кластер в российско-китайском приграничье и каковы его особенности в этом пространстве функционирования. Детальная проработка этого практического компонента позволит нивелировать теоретические ошибки самого концепта и позволит сформулировать его четкое определение.

Межрегиональное приграничное сотрудничество России и Китая является традиционно значимым фактором развития межгосударственных отношений, именно поэтому в первую очередь оно требует четкого теоретического осмысления. В соответствии с договоренностью, достигнутой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином, 2018 и 2019 гг. объявлены Годами российско-китайского межрегионального сотрудничества [1]. Актуально и то, что отношения двух стран давно перешли из разряда межгосударственных к межцивилизационным, особое значение в осуществлении которых имеют приграничные территории.

Цивилизационный компонент в этом контексте становится основным звеном культуфилософской рефлексии. Максимальная интенсивность межкультурного взаимодействия характерна для приграничных районов Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья по российскую сторону границы и административных

единиц Северо-Восточного Китая со стороны КНР. Ключевую роль в этом процессе играют региональные культуры как совокупности культур административно-территориальных единиц, примыкающих к государственной границе и характеризующихся определенными социокультурными признаками [2. С. 3].

Особую актуальность данной работе придает и современное понимание приграничного социокультурного кластера, отражающего особенности региональных культур и рассматриваемого в качестве фактора формирования особого типа социокультурной организации приграничных территорий на основе переосмысления онтологического статуса границы, что не может не влиять на формирование первоначального теоретического концепта «приграничный социокультурный кластер».

Базис кластерного подхода с точки зрения экономической науки, основоположником которого стал М. Портер, сегодня развит такими западными исследователями, как Дж. Кортрайт, И. Толенадо, С. Розенфельд, Д. Якобе и др. Связь кластера с социальной средой становится предметом исследования в работах Д. Солье, Е. Дахмен, В. Фельдман. В последнее время кластерные инициативы выступают актуальной областью исследований в контексте развития экономической географии России (Е.В. Сапир, И.Н. Ефимова, Ю.С. Жолобова, С.Б. Элибиев, В.В. Безпалов и др.). Проблемы культурной регионализации и региональный аспект структурирования российско-китайского приграничья детально освещены в трудах представителей научных школ Забайкалья: научной школе диалога культур Северо-Восточной Азии (М.Н. Фомина, Т.В. Бернюкевич, А.В. Жуков, А.Г. Букин, Е.А. Воробьева и др.) и научной школе интерпретаций региональных практик современного Китая (Н.А. Абрамова, В.А. Абрамов, Т.Н. Кучинская, А.С. Хохрякова и др.).

В отличие от представителей западной научной школы (к которой мы относим и российских исследователей), рассматривающих кластер в основном в контексте экономической науки (М. Портер, А. Маршалл, И. Толенадо, Д. Солье, П.Г. Щедровицкий, Г.Р. Хасаев, И.С. Ферова и др.), китайские исследователи делают акцент на роли культуры и говорят о том,

что кластер – это, прежде всего, образование творческой индустрии, представляющее собой большое количество коррелирующих между собой предприятий культуры и связанных с ними учреждений, которые аккумулируются в пространстве благодаря синергии (эмерджентности) и тем самым образуют феномен устойчивого конкурентного преимущества [3. С. 17]. Китайский исследователь специфики кластерных инициатив Чжэн Цзыли основными проявлениями таковых инициатив считает культурные / творческие индустрии и индустриальные парки, обладающие характеристиками наличия интеллектуальных ресурсов, развитием промышленной агломерации, поддержкой инновационных технологических платформ [4. С. 111]. В работах китайских авторов также определен круг вопросов в области функционирования культурного кластера: каков его жизненный цикл? в чем специфика его эволюционного механизма? можно ли выделить основные факторы его развития? Эти ключевые вопросы касаются, прежде всего, практической стороны кластерных инициатив.

Общим в позиции западной и китайской научных школ относительно социокультурной характеристики кластера является понимание того, что социокультурный кластер имеет свои устойчивые конкурентные преимущества, хотя все еще отсутствует единый метод их измерения и оценки (что не является предметом данной работы). Общепризнано, что исследования кластеров культурной индустрии находятся в зачаточном состоянии. Следовательно, необходимо проанализировать механизмы динамики их формирования, что в конечном итоге позволит найти эффективный путь их развития. Кроме того, необходимо принять во внимание региональную специфику.

Вместе с тем, как в среде западных, так и китайских исследователей, до сих пор отсутствует четкое определение понятия «социокультурный кластер» [5. Р. 5], что усложняется также спецификой его функционирования в приграничье, придавая дополнительную актуальность данной работе, которая выходит за рамки определения кластера с точки зрения региональной экономики и экономической географии, делая акцент на социокультурных предпосылках формирования данного феномена в приграничном пространстве. В связи с этим крайне важно обратить внимание на совокупность российских и зарубежных научных источников, в которых поднимаются вопросы современного состояния региональной культуры в российско-китайском приграничье (Ван Шицай, Ли Цинсун, Сюй Нин) [6–8], а также ее места и роли в инновационном региональном развитии российских приграничных территорий (М.И. Кошелев, М.Н. Фомина) [9. С. 109].

Авторская позиция заключается в том, что приграничный социокультурный кластер необходимо рассматривать как приграничное образование схожих по социокультурным признакам единиц (учреждений науки и культуры), которые посредством инновационных механизмов повышают уровень конкурентоспособности региона. Особенностью социокультурного кластера в российско-китайском приграничье становится его функционирование как точки роста в об-

щем приграничном пространстве социокультурного взаимодействия РФ–КНР, которое характеризуется наличием двустороннего заимствования культурных явлений, готовностью к межкультурному и межцивилизационному соразвитию, схожестью идеологических установок населения, обусловленных непосредственной близостью к государственной границе. Все вышеперечисленное делает философскую объективацию самого термина не просто необходимой, но единственно возможной.

Вместе с тем для теоретизации концепта «приграничный социокультурный кластер» необходимо рассмотреть и его практическую суть, что определенно упростит всестороннее осмысление его специфических черт и будет способствовать единому подходу к его дефиниции. Авторская позиция заключается в сравнительном сопоставлении самого явления кластеризации со стороны России и Китая, с акцентом не столько на позициях экономической географии, сколько на наполнении кластерного концепта философскими характеристиками.

Опыт кластеризации российско-китайского приграничья. В последние годы Россия активно поддерживает идею развития кластерных инициатив. Так, одно из первых упоминаний данного явления содержится в Стратегии развития науки и инноваций Российской Федерации на период до 2015 г., где в качестве подзадач модернизации экономики указывается «стимулирование в экономике спроса на инновации и результаты научных исследований, создание условий и предпосылок к формированию устойчивых научно-производственных кооперационных связей, инновационных сетей и кластеров» [10], в то время как Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. уже более конкретно предусматривается «создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, и формирование инновационных высокотехнологичных кластеров в европейской и азиатской части России». Эта же концепция на государственном уровне расценивает культуру как один из важнейших ресурсов развития человека, подчеркивая, что переход на инновационный путь развития сопровождается масштабными инвестициями в человеческий капитал, а развитие человеческого потенциала предполагает развитие культуры [11].

Соответственно, можно говорить о необходимости переориентации экспортно-сырьевого развития территорий на инновационный социокультурный тип развития. Что же касается российско-китайского приграничья, то дополнение стратегии его социально-экономического развития задачами социокультурного соразвития российской и китайской сторон позволяет считать выбор темы формирования приграничного социокультурного кластера оправданной.

Сегодня большая часть российских кластеров сосредоточена в Центральном и Приволжском федеральных округах, причем основную долю в их структуре занимают инновационные территориальные единицы промышленного сектора. В рейтинге субъектов Российской Федерации по значению российского ре-

гионального инновационного индекса (РРИИ) на 2015 г. приграничные территории – Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область – входят в четвертую из четырех имеющихся групп по РРИИ. Приморский край принадлежит к третьей группе, а Хабаровский край входит во вторую группу рейтинга. При этом Забайкалье выгодно отличается в контексте оценки инновационной деятельности – свыше десятой части отгруженной здесь продукции относится к категории инновационной [12]. Однако в результате конкурсного отбора 2016 г., организованного Министерством экономического развития Российской Федерации в рамках приоритетного проекта «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня», ни один из субъектов Дальневосточного федерального округа не получил права размещения приоритетного проекта Минэкономразвития РФ на своей территории.

В настоящее время наиболее распространенным видом кластеризации социокультурной сферы является туристический кластер (этнопарк). Российско-китайское приграничье (несмотря на некоторые его негативные описания, например «медвежий угол», «культурная пустыня») имеет для этого большой, по сравнению с внутренними регионами страны, потенциал, подразумевая под собой квинтэссенцию восточной и западной культур и претендуя на его уникальность, в том числе и во взаимодействии с Китаем, на международном уровне. Такая форма кластерного образования может выступить самобытным социокультурным феноменом, интегрирующим антропологические, материальные, социальные, культурные характеристики, что делает отсылки не только к философской объективации термина, но и в практическом смысле открывает новые возможности и перспективы для соразвития приграничных регионов России и Китая.

Так, в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» в российско-китайском приграничье были созданы следующие туристические кластеры:

– Забайкальский край – «Ивано-Арахлейский автотуристический кластер», основной целью которого стало формирование новой туристической инфраструктуры на базе имеющегося культурно-развлекательного комплекса для приема как российских, так и зарубежных туристов. Также претворяется в жизнь градообразующая социокультурная кластерная инициатива – музей под открытым небом – «Туристический историко-этнографический комплекс “Чингисхан – Чита”», которая будет соответствовать инновационным тенденциям воспроизводства вне помещений традиций материальной и нематериальной культуры, характерной для определенной местности;

– Хабаровский край – туристско-рекреационный кластер «Остров Большой Уссурийский – Шантары», который будет способствовать развитию приграничной туристской инфраструктуры и увеличению туристического потока, прежде всего, из Китая. Специалисты отмечают, что в России не так много мест, кото-

рые могли бы похвастать таким размахом, но при этом важно не забывать про качественное продвижение [13];

– Амурская область – туристский кластер «Амур», который аккумулирует ресурсы для перспектив туризма в Приамурье: снимет ограничительные барьеры, создаст условия для развития базовой инфраструктуры, активизирует мощности туристской инфраструктуры, создаст комфортную городскую среду и объекты показа. Также отметим вхождение Амурской области и Хабаровского края в число перспективных туристских регионов, проявляющих наибольшую активность в подготовке инвестиционных проектов.

Описывая процессы кластеризации в российско-китайском приграничье, можно также отметить крайне низкую вовлеченность в них учреждений науки и образования, развитие человеческого потенциала без которых, о чем говорится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., невозможно. Разворот России на Восток, активизация восточного вектора становятся очевидными и в научно-образовательной сфере, что побуждает активное включение данного сектора в процессы кластеризации российско-китайского приграничья. С этой точки зрения потенциал социокультурного кластера интересен не только как концентрация научных и образовательных ресурсов, но и как активная интеграция за рубеж, что в случае успешной реализации позволит российским вузам конкурировать в условиях международного образовательного пространства [14. С. 88].

Опыт кластеризации китайско-российского приграничья. Процессы кластеризации китайского приграничья находятся в тесной связи с процессами культурной регионализации страны, в которых ядром выступает потенциал традиционной китайской культуры. Китайское руководство в ходе XVII съезда КПК обнародовало цель превращения государства в глобальную культурную державу, что обуславливает необходимость повышения привлекательности китайской культуры и связано с наращиванием потенциала «мягкой силы» современного Китая [15. С. 3]. Важно отметить, что в китайской стратегии «мягкой силы» первостепенная роль отдается не только развитию отношений с соседними государствами, но и созданию пояса безопасности вокруг КНР, поэтому формирование приграничных кластеров отвечает сразу нескольким потребностям руководства страны. Управленческие инновации заметны и на региональном уровне. Так, в Программе развития г. Маньчжурия (крупнейший в Китае сухопутный контрольно-пропускной пункт) большое внимание уделено региональным практикам сотрудничества с РФ по социальным и культурным вопросам [16. С. 50]. Контекст формирования социокультурного кластера в китайско-российском приграничье, интегрируя региональное своеобразие приграничной культуры, будет способствовать активизации культурной регионализации, а следовательно, – повышению влияния мягкой силы в пространстве межкультурного взаимодействия России и Китая.

В целом Китай реализует кластерные инициативы в условиях беспрецедентного развития творческих индустрий, что обусловлено принадлежностью к азиатской модели кластеризации пространств [17], которая, во-первых, отводит большую роль именно культурным факторам, во-вторых, располагает большинство творческих индустрий в непосредственной близости от главных культурных центров (как правило, исторических). В этом контексте анализ китайских кластерных инициатив показывает, что творческие инициативы получают максимальный экономический эффект, только объединяясь в межотраслевые комплексы. При этом основой здесь выступает качество креативности, которое считается ядром творческих индустрий и основой передовых технологий. Чжан Хуэйли утверждает, что в Китае кластеры креативной индустрии в основном формируются спонтанно, впоследствии принимая государственную поддержку. Другими словами, Китай успешно интегрирует культурный капитал в плоскость политических решений [18. С. 17]. Так, в стране сегодня сформировано шесть кластеров творческих индустрий (включающих 273 индустриальных парка), расположенных в восточных (157 индустриальных парка – 57,5% от общего количества), центральных и западных провинциях.

Вместе с тем регионы, граничащие с Россией, не относятся к данным районам концентрации кластеров креативных индустрий. Однако одним из направлений реализации концепции «мягкой силы» Китая стал вопрос развития наименее развитых северо-восточных территорий (восточная часть автономного района Внутренняя Монголия, провинции: Хэйлуцзян, Ляонин, Цзилинь). Был подготовлен ряд стратегических проектов национального значения по подъёму северо-востока страны, в которых главными факторами стали: открытость внешнему миру, оптимизация и модернизация промышленной структуры, введение институциональных инноваций. Под институциональными инновациями, в том числе, признается развитие приграничных регионов «путём осознанного стремления к достижению гармонии при все возрастающем значении культуры» [19. С. 5].

Кластерные инициативы в китайском приграничье плодотворно интегрируются в политику по содействию экономическому развитию северо-востока страны, наивысшая активность которой наблюдалась в 2013 г. Одним из мощнейших проектов в этом плане – «Идея развития 8337» Автономного района Внутренней Монголии. Это своеобразный план превращения региона в важный приграничный плацдарм, открытый и ориентированный на северо-восточный экономический пояс. Историческая область Маньчжурии станет международной площадкой трансграничного туризма, платформой сотрудничества для всей Северо-Восточной Азии. В свою очередь проект уже сегодня подкрепляется инициативой г. Эргун по строительству кластера туристической индустрии, в котором одной из самых больших площадок станет русский этнокультурный парк «Байкал» (площадью свыше 11 тыс. м² и стоимостью более 230 млн юаней). Парк объединит зону общественного питания, коммерческую пешеходную улицу, зону отдыха и развле-

чений, сопутствующие вспомогательные объекты – все в русском стиле [20. С. 33].

Кластерные образования в современном китайском приграничье сформированы вокруг ресурсов региональной культуры, которые подвергаются инновационному обновлению с целью последующего выхода культурной продукции на новые рынки. Граница в этом смысле представляется не как форпост, а как необходимое условие / средство экономического развития территорий. Так, охарактеризуем в качестве примеров наиболее удачные в контексте данного исследования кластерные проекты китайского приграничья:

– Автономный район Внутренняя Монголия (городской округ Хулуьнь-Буир) – русская национальная волость (село Шивэй), расположенное на берегу реки Аргунь напротив российского села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края, где насчитывается около 4 тыс. жителей. Среди них русских более 1 500 ч. В устном и письменном общении они, безусловно, перешли на китайский язык, однако сохранилось национальное самосознание, православная вера (в городе Лабудалинь китайскими властями в 1990 г. построен храм, освященный в августе 2009 г.), песни, танцы, праздничные обычаи, бытовые и поведенческие особенности. В селе Шивэй с 2008 г. работает русский этнографический музей, состоящий из культурно-исторического павильона, естественной природной экспозиции и ботанического сада. Экспонирующиеся предметы насчитывают более 600 экспонатов, среди которых орудия производства, предметы быта, домашняя утварь, одежда и фотоматериалы. Более того, русский колорит в последние годы стал для населения волости неплохим источником заработка на прибывающих туристах, что поощряется властями. В сентябре 2005 г. на конкурсе «Десять самых очаровательных волостей Китая», который проводило Центральное телевидение Китая, Шивэй – Русская волость стала победителем [19. С. 128];

– г. Маньчжурия (восточная часть Автономного района Внутренней Монголии) – городская туристическая зона, включающая архитектурные объекты, заимствовавшие элементы русской культуры: площадь «Матрешка» – уникальная площадка русского традиционного искусства, олицетворяющая матрешку как свой лейтмотив в сочетании с воплощением китайских, русских и монгольских обычаев и получившая звание «Самого крупного архитектурного ансамбля в форме матрешки»; крупнейший в Китае Музей русского искусства, общей площадью более 4 500 м², где экспонируются свыше 1 500 шедевров русского искусства разных времен (произведения масляной живописи, скульптуры российских мастеров, традиционные ремесла художественного промысла), а стены украшены росписями в русском и европейском стилях;

– провинция Хэйлуцзян (западная окраина приграничного города Хэйхэ) – туристическая экскурсионная ландшафтная зона – китайско-русский национально-этнографический парк. Среди возведенных объектов имеются четыре национальных селения: русская деревня, ороchonское и даурское стойбища, а также

маньчжурское село [21]. В целом национально-этнографический музей включает десять функциональных зон: зона общественных услуг, зона водных аттракционов, зона аттракционов с национальной спецификой, маньчжурская национально-этнографическая зона, зона кинематографических имитаций и т.п.

Очевидно, что в целях развития своих приграничных территорий Китай не только активно использует кластерный подход, но и интегрирует элементы русской культуры, зачастую трансформируя их традиционную природу (так, копии храмов построены в искаженных пропорциях, а матрешка, как исконный символ русской культуры, имеет иной вид). Бизнес-ориентированный подход Китая, безусловно, ускоряет формирование социокультурных кластеров, которые, тем не менее, являясь коммерческими структурами, игнорируют важность защиты основ региональной культуры. Несмотря на то, что процесс формирования социокультурных кластеров в китайском приграничье активизирован, его главной целью становится не создание комфортной творческой среды, а получение максимальной прибыли от экспорта произведённой продукции за счет использования элементов русской культуры в их искаженной / неаутентичной форме. Таким образом, получая значительный экономический эффект от вышеописанных процессов, тем не менее, нивелируется адекватное восприятие русской культуры китайским населением, что может затруднять полноценный и равноправный диалог культур.

Так, развитие въездного туризма сегодня объективно является одним из наиболее реальных направлений и путей социально-экономического развития приграничных территорий. Не стоит забывать и о перспективах состыковки планов подъема Сибири и Дальнего Востока РФ с планами развития провинций Северо-Востока КНР, Внутренней Монголии и Синьцзяна. Определяя потенциал региональных культур России и Китая в развитии кластерных инициатив, ориентированных на одностороннее развитие приграничья (российского или китайского), сделаем акцент на проекте трансграничного туристического парка (инвестиционного проекта) «Восточные ворота России (Забайкальск–Маньчжурия)», который интегрирует обе части приграничья площадью 91 га и создает условия для равностороннего развития культурных практик. Официальное название туристско ориентированного кластера – Международный российско-китайский «Трансграничный туристический парк «Восточные ворота России “Забайкальск–Маньчжурия”» с созданием возможностей приема на территории Забайкальского района Забайкальского края Российской Федерации до двух миллионов китайских туристов в год. Ближайший населенный пункт со стороны КНР – город Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия. В рамках данного проекта предполагается обустроить около 3 км российско-китайской государственной границы. В том числе здесь планируется возвести новый пункт пропуска с таможенным, пограничным и санитарным контролем. Российский туризм преобразил Маньчжурию, в свою очередь китайский туризм принесет

средства для развития Забайкальска и ближайших к нему территорий [22].

Несмотря на то, что цивилизационные особенности приграничных культур России и Китая делают невозможным формирование единого социокультурного пространства приграничья [2. С. 20], они функционируют в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия (которое не имеет четких географических и иных границ) и, тем самым, способствуют созданию приграничного социокультурного кластера. Теоретически, такое образование может быть рассмотрено как эффективный механизм межцивилизационного, межкультурного, межгосударственного сотрудничества и одновременно как способ формирования инновационного типа партнёрства России и Китая. Потенциал региональной культуры – главный ресурс для реализации кластерного подхода в российском приграничье, позволяющий максимизировать экономический эффект от прибыли, которая, в свою очередь, остаётся на данной территории и используется на развитие инфраструктуры, условий и качества жизни населения. На практике же социокультурный кластер сформирует площадку для обмена культурами и традициями этносов приграничных зон, будет способствовать диалогу и совместному творчеству представителей разных цивилизаций как площадка для проведения российско-китайских ярмарок, форумов, симпозиумов, культурных мероприятий.

Вышепоставленные вопросы в той или иной степени отражены китайской научной школой, однако в большей степени публикациями описательного плана. Можно констатировать практически полное отсутствие комплексных исследований, рассматривающих процессы формирования как теоретического концепта «социокультурный кластер», так и его практического функционирования. В исследовании этого феномена китайские авторы характеризуются разноплановым использованием сравнительной методологии с элементами герменевтического подхода (что сближает его с исследованиями относительно региональной культуры в целом).

Вместе с тем российские и китайские исследователи сходятся во мнении о том, что кластерные инициативы будут способствовать инновационному развитию приграничных территорий. Так, И.А. Макаров отмечает, что «учитывая трансформацию социально-экономической модели Китая и меняющийся характер глобализации, естественная роль Сибири и Дальнего Востока в будущем – зона инновационной ресурсной экономики. Воплощение такого плана возможно только при открытости региона для внешнего мира и максимальной гибкости его социально-демографического и пространственного развития» [23. С. 6]. Китайские аналитики, делая акцент на необходимости развития северо-восточного приграничья, говорят не только об активизации экономической глобализации в условиях развития региональной экономики, но и обращают пристальное внимание на функциональное использование преимуществ приграничных городов, указывая на необходимость увеличения доли культурного продукта в общем объеме экспорта в Россию, настаивая на созда-

нии кластерного образования с максимизацией включения в него человеческого капитала [24. С. 143]. Китайские авторы Сюй Чжан и Куньлунь Чэнь считают, что в настоящее время кластерные программы очень локализованы, что отчетливо прослеживается на примере городской политики развития индустрии культуры, в свою очередь опосредованной спецификой каждого из них [25. Р. 7]. Поэтому, исходя из существующих особенностей китайско-российского приграничья (заимствованные культурные явления, готовность к межкультурному взаимодействию, общность мировоззренческих установок населения, обусловленных непосредственной близостью к государственной границе), специфики приграничных городов (незавершенность процессов формирования, асимметрия их развития), а также опираясь на китайско-российские совместные проекты (в том числе в контексте Годов межрегионального сотрудничества РФ–КНР), прежде всего, необходимо теоретизировать основные концепты, а затем – реализовать фактическую инфраструктуру соответствующего социокультурного кластера (индустриального парка) с учетом интеллектуального человеческого потенциала.

Как уже отмечалось ранее, относительно новым подходом в контексте кластеризации приграничных пространств становится культурфилософский подход, позволяющий наполнить смысл приграничного культурного потенциала качеством «конкурентоспособности». Говоря об инновационной экономике, мы подразумеваем увеличение инвестиций в область науки и образования. Если добавить к этому человеческий потенциал университета (интеллектуальные ресурсы), то можно говорить о формировании научно-образовательного приграничного кластера как одной из форм социокультурной кластерной инициативы. Так, международная деятельность Забайкальского государственного университета (лидер Забайкальского края по количеству специальностей и направлений с общим количеством студентов более 17 тыс. человек) сконцентрирована главным образом в направлении восточного вектора, где Университет реализует свой потенциал, будучи активным участником двух весомых международных ассоциаций: Ассоциация азиатских университетов, Ассоциация вузов России и Китая.

Сегодня Забайкальский государственный университет выступает инициатором создания Ассоциации независимой оценки качества образования с участием образовательных и научных организаций России, Китая и Монголии. Все это может выступать первым шагом к формированию научно-образовательного кластера приграничья, в состав которого могут войти образовательные организации регионов России, которые, прежде всего, объединяет непосредственная близость к государственной границе РФ–КНР, что в свою очередь стимулирует активное гуманитарное сотрудничество с Китаем. Можно предположить, что внутри такого научно-образовательного кластера будет стимулирована инновационная деятельность, реализован свободный обмен информацией. Как вариант, тесные внутренние взаимосвязи внутри кластера вызовут тенденцию к объединению конкурентных преимуществ научных и образовательных организаций приграничья, в процессе взаимодействия они постепенно

преодолеют замкнутость на внутренних проблемах, постепенно формируя мощную научно-образовательную структуру [14. С. 88].

Таким образом, отметим, что сегодня социокультурный кластер – достаточно малоизученный феномен как в теоретическом, так и в практическом смыслах. Автор, осуществляя научный обзор данной ситуации, делает акцент на необходимости его наполнения культурфилософским смыслом. Мы также не можем игнорировать разворот России на Восток, как и активизацию восточного вектора. В этом контексте потенциал социокультурного приграничного кластера интересен не только с точки зрения концентрации ресурсов региональной культуры, но и в плане активной интеграции России в зарубежное социокультурное пространство.

В заключение отметим ряд особенностей касательно кластерных инициатив России и Китая, которые должны приниматься во внимание при определении термина «приграничный социокультурный кластер»:

- кластерные инициативы в Китае, как бы парадоксально это не звучало, на практике опережают теоретические наработки, в России же кластерные инициативы, как правило, остаются инициированы лишь в программных документах;

- в России кластеры в основном сформированы в Центральном и Приволжском регионах (туристический кластер Новгородской области, туристско-рекреационный кластер «Рязанский», туристский кластер Смоленской области), Китай в свою очередь иницирует развитие кластеров в приграничных регионах (например, Автономный район Внутренняя Монголия);

- вместе с тем опыт кластеризации приграничных пространств России и Китая как инновационный механизм развития территорий опирается, прежде всего, на уже имеющийся потенциал региональной культуры, что позволяет говорить о социокультурной основе данного образования;

- в процессе формирования социокультурных кластерных образований со стороны России и Китая очевиден сильный контраст в пользу последнего, что во многом говорит о целенаправленной политике китайского руководства по развитию китайско-российского приграничья.

Для большей объективности исследования систематизируем общие проблемы определения понятия «приграничный социокультурный кластер» в среде российских и китайских исследователей:

- упрощенная методология, использование преимущественно описательного подхода;

- чрезмерное использование так называемого приема беллетристики, что само по себе любое научное исследование делает необъективным;

- нивелирование практических особенностей функционирования предмета исследования.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, приграничный социокультурный кластер с точки зрения культурфилософской рефлексии может быть рассмотрен как специфическое социокультурное образование, структурированное региональными культурами приграничных административно-территориальных еди-

ниц. Приграничный социокультурный кластер (как и приграничная региональная культура) обусловлен существовать и функционировать в трех измерениях – инокультурном, национальном и локальном, что требует дополнительного исследовательского внимания. Далее, интегрируя теоретические аспекты в плоскость практических решений, стоит сказать и о том, что в целях развития российского приграничья и придания характера инновационности процессу кластеризации, прежде всего, необходимо окончательно переориентировать приграничные единицы с концепции закры-

той территории (форпоста страны) на актуализацию их становления как основы кластерных образований. Развитие кластерной политики в приграничье с акцентом на ресурсах региональной культуры будет способствовать не только укреплению российского культурного присутствия в мире, но и созданию благоприятных условий для продвижения культурных и духовных ценностей нашей страны за рубеж, а социокультурный кластер интегрирует свойства конкурентоспособности территорий и интенсифицирует механизмы социокультурного развития регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О старте проекта Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070896 (дата обращения: 07.04.2019).
2. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2013. 42 с.
3. Кан Сяомин, Сян Юн. Чанье цзицонь юй вэньхуа чанье цзинчжэнлидэ тишэн [Промышленные кластеры и повышение конкурентоспособности индустрий культуры]. Бэйцзин : Чжэсюэшэхуэйкэ сюэбань, 2005. 216 с.
4. Чжэн Цзыли. Луь вого вэньхуа чжуань чанье цзицонь фацжаньдэ тайши, куныцзинь юй дуйцэ [Развитие кластеров творческих и культурных индустрий Китая: современная ситуация, вопросы и пути решения] // Сюэшутаньсо. 2012. № 10. С. 111–115.
5. Charain C., Sagot-Duvauroux D. Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda // *Urban Research & Practice*. 2018. Vol. 20. P. 1–30. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141
6. Ван Шицай. Чжунго дунбэй вэньхуа юй элосы вэньхуа дэ цзяолиу юй жунхэ [Взаимодействие и слияние культуры России и культуры Северо-Востока КНР]. Харбин : Хэйлунцзян шэхуэйкэсюэ чубаньшэ, 2006. 231 с.
7. Ли Цинсун. Цюйюй вэньхуа юй цюйюй цзинци шэхуэй сяньдайхуа [Региональная культура и модернизация региональной экономики]. Шанхай : Вэньхуа чубаньшэ, 2005. 320 с.
8. Сой Нин. Региональная культура Северо-Востока Китая как культура приграничья. Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. 420 с.
9. Кошелев М.И., Фомина М.Н. Пространственные и временные характеристики природы диалога региональных культур // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 4. С. 108–112.
10. «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1)) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/b0766cc44db3649f6e7b342b2cbc17a113fda907/ (дата обращения: 07.04.2019).
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 07.04.2019).
12. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ // Статистические сборники НИУ ВШЭ. 2017. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2017> (дата обращения: 28.02.2019).
13. Против течения. Как в Хабаровском крае развивают круизный туризм на реке Амур // ТАСС. Дальний Восток. URL: <https://dv.land/territory/protiv-techeniya> (дата обращения: 09.04.2019).
14. Дубровская К.С., Морозова В.С. Научно-образовательный кластер как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития России–Китая–Монголии: потенциал, приоритеты и вектор развития в приграничном социокультурном пространстве // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. 2017. № 19. С. 87–91.
15. Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2011. 23 с.
16. Китайский регионализм как фактор модернизации / отв. ред. Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондакова. М. : Издательский дом Академии Естествознания, 2017. 251 с.
17. Гордин В.Э., Матеецкая М.В. Культурные кластеры и развитие индустрии туризма // Научно-образовательный портал IQ НИУ ВШЭ. URL: <https://iq.hse.ru/news/177673377.html> (дата обращения: 12.04.2019).
18. Чжан Хуэйли. Вэньхуа чанье цзицонь няньхуа дулли цзичжи яньцзю [Исследование эволюционной динамики механизмов кластеров культурной индустрии]. Сиань : Сиань цзяньчжу кэцзи дасюэ, 2015. 217 с.
19. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : дис. ... д-ра. филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2013. 421 с.
20. Нин Чжунжун. Лицзу цзыюань юши цзяньшэ тэсэ юаньцой [Основываясь на ресурсных преимуществах, строим особенный парк] // Чжунгоцзюэ. 2017. № 4. С. 32–35.
21. В китайском приграничье создан китайско-российский национально-этнографический парк // Забайкальское информационное агентство. URL: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=52811&mode=thread&order=0&thold=0> (дата обращения: 13.04.2019).
22. Трансграничный туристический парк «Восточные ворота России Забайкальск-Маньчжурия» // Россия и Китай. 2012. № 9. URL: <http://www.ruchina.org/sfo-article/china/85.html> (дата обращения: 13.04.2019).
23. Макаров И.А. Куда идет Дальний Восток? // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. С. 5–8.
24. Дай Хунли. Вого дунбэй бяньцзин дуй эжоуань чэньци цзинци фацжань чжиюэ иньсу фэньси [Экономическое развитие северо-восточной границы Китая и российских приграничных городов – анализ сдерживающих факторов] // Гайгэ юй чжаньлюэ. 2016. № 32 (269). С. 142–147.
25. Xu Zhang, Kunlun Chen. Which scale matters? Rethinking cultural industry development policies from a city network perspective // *Journal of Urban Affairs*. 2018. № 12. P. 2–17. DOI: 10.1080/07352166.2018.1550349

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 октября 2020 г.

Theoretical and Practical Aspects of the “Border Sociocultural Cluster” Concept in the Context of Modern Russian and Chinese Methodology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 63–71.

DOI: 10.17223/15617793/462/8

Valentina S. Morozova, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation); Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: morozova1550@mail.ru

Keywords: cultural-philosophical reflection; comparative studies; clustering of border areas; Russian-Chinese cross-border cooperation; regional culture; sociocultural specificity; border sociocultural cluster.

The term “cultural cluster” in recent years has been used extensively in the academic literature in the context of such areas as urban planning, cultural and economic geography, regional development, etc. However, the interdisciplinary aspect has deprived this term’s academic scope of a clear definition. The situation is complicated by the fact that the discussed concept implies an international component; therefore, its interpretation becomes even more specific. To solve this problem, the article presents a comprehensive review of the theoretical concepts of Russian and Chinese scholars. Based on the review, the author made a conclusion about a similar interpretation by Western and Chinese schools of thought of the sociocultural characteristics of a cluster with its sustainable competitive advantages, and also raised the question of the absence of a unified method of their measuring and evaluating. The author’s position is that the border sociocultural cluster is considered as a border formation of units with similar sociocultural characteristics (establishments of science and culture), which, through innovative mechanisms, raise the level of regional competitiveness. Proceeding from the intensification of clustering processes in the Russian-Chinese borderland, the author defines the features of the initial concept using the method of comparative studies, analyzes its specifics, focusing on the cultural and philosophical content (border ontological status, regional culture values, population’s similar ideological attitudes). The author compares Russia’s and China’s border areas clustering processes and determines their features. Thus, the clustering processes in the border areas of Russia and China as an innovative mechanism of the territories’ development are based, firstly, on the existing potential of regional cultures, which allows speaking about the sociocultural basis of this formation. Based on the above, the article substantiates the importance of including the scientific and educational component as a part of the sociocultural in forming the “border sociocultural cluster” concept. In conclusion, the author’s definition of the “border sociocultural cluster” is formulated, which, first of all, rests on cultural-philosophical reflection. Thus, the “border sociocultural cluster” is considered as a specific sociocultural formation, structured by the regional cultures of the border administrative-territorial units, but at the same time conditioned by the existence and functioning in three cultural dimensions – foreign, national and local. In this connection, the author proposes some recommendations for the border cluster policy development with an emphasis on the resources of a regional culture, which will contribute not only to strengthening the Russian cultural presence in the world, but also create favorable conditions for promoting the cultural and spiritual values of our country abroad.

REFERENCES

1. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2018) *O starte proekta Godov rossiyско-kitayskogo mezhregional'nogo sotrudnichestva* [On the start of the project of the Years of Russian-Chinese Interregional Cooperation]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070896 (Accessed: 07.04.2019).
2. Morozova, V.S. (2013) *Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyского i kitayskogo prigranich'ya* [Regional culture in the sociocultural space of the Russian and Chinese borderlands]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Chita.
3. Kang Xiaoming & Xiang Yong (2005) *Industrial clusters and increasing the competitiveness of cultural industries*. Beijing: Zhxueshehuike xueban. (In Chinese).
4. Chzhen Tszyli. (2012) Development of clusters of creative and cultural industries in China: Current situation, issues and solutions. *Xueshutanso*. 10. pp. 111–115. (In Chinese).
5. Chapain, C. & Sagot-Duvaouroux, D. (2018) Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda. *Urban Research & Practice*. 20. pp. 1–30. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141
6. Wang Shitsai. (2006) *Interaction and fusion of Russian culture and the culture of the North-East of the PRC*. Harbin: Heilongjiang shehuikexue chubanshe. (In Chinese).
7. Li Qingsong. (2005) *Regional culture and modernization of the regional economy*. Shanghai: Wenhua Chubanshe. (In Chinese).
8. Xu Ning. (2004) *Regional culture of Northeast China as a culture of borderlands*. Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe. (In Chinese).
9. Koshelev, M.I. & Fomina, M.N. (2012) Prostranstvennye i vremennye kharakteristiki prirody dialoga regional'nykh kul'tur [Spatial and temporal characteristics of the nature of the dialogue of regional cultures]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikal State University Journal*. 4. pp. 108–112.
10. Consultant.ru. (2006) “Strategy for the development of science and innovation in the Russian Federation for the period up to 2015” (approved by the Interdepartmental Commission on Science and Innovation Policy (minutes No. 1 of 15.02.2006)). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/b0766cc44db3649f6e7b342b2cbc17a113fda907/ (Accessed: 07.04.2019). (In Russian).
11. Consultant.ru. (2008) *The concept of long-term socioeconomic development of the Russian Federation until 2020*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (Accessed: 07.04.2019).
12. HSE. (2017) *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'ektov RF* [The innovative development rating of the RF subjects]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2017> (Accessed: 28.02.2019).
13. TASS. The Far East. (2017) *Protiv techeniya. Kak v Khabarovskom krae razvivayut kruiznyy turizm na reke Amur* [Against the current. How cruise tourism on the Amur River is being developed in Khabarovsk Krai]. [Online] Available from: <https://dv.land/territory/protiv-techeniya> (Accessed: 09.04.2019).
14. Dubrovskaya, K.S. & Morozova, V.S. (2017) Scientific-education cluster as mechanism for formation of innovative type of partnership in practice of Russia-China-Mongolia co-development: Potential, priorities and direction of development in cross-border sociocultural space. In: *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra* [Russia and China: Problems of strategic interaction: Collection of the Eastern Center]. Vol. 19. Chita: Transbaikal State University. pp. 87–91. (In Russian).
15. Yan' Shufan. (2011) *Kul'turnye industrii kak mekhanizm realizatsii tselestnykh idey kitayskoy kul'tury* [Cultural industries as a mechanism for the implementation of the value-related ideas of Chinese culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
16. Sukharev, D.V. et al. (eds) (2017) *Kitayskiy regionalizm kak faktor modernizatsii* [Chinese regionalism as a factor of modernization]. Moscow: Academy of Natural Sciences.
17. Gordin, V.E. & Matetskaya, M.V. (2010) *Kul'turnye klasteri i razvitie industrii turizma* [Cultural clusters and the development of the tourism industry]. [Online] Available from: <https://iq.hse.ru/news/177673377.html> (Accessed: 12.04.2019).
18. Zhang Huili. (2015) *Study of the evolutionary dynamics of the mechanisms of cultural industry clusters*. Xian: Xian jianzhu keji daxue. (In Chinese).

19. Morozova, V.S. (2013) *Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyskogo i kitayskogo prigranich'ya* [Regional culture in the sociocultural space of the Russian and Chinese borderlands]. Philosophy Dr. Diss. Chita.
20. Ning Zhongrong. (2017) Based on resource advantages, we build a special park. *Zhongguojue*. 4. pp. 32–35. (In Chinese).
21. Zabinfo.ru. (2008) *V kitayskom prigranich'e sozdan kitaysko-rossiyskiy natsional'no-etnograficheskiy park* [A Chinese-Russian national ethnographic park has been created in the Chinese border area]. [Online] Available from: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=52811&mode=thread&order=0&thold=0> (Accessed: 13.04.2019).
22. *Rossiya i Kitay*. (2012) Transgranichnyy turisticheskiy park “Vostochnye vorota Rossii Zabaykal'sk-Man'chzhuriya” [The transboundary tourist park Eastern Gates of Russia: Zabaikalsk–Manchuria]. 9. [Online] Available from: <http://www.ruchina.org/sfo-article/china/85.html> (Accessed: 13.04.2019).
23. Makarov, I.A. (2018) Kuda idet Dal'niy Vostok? [Where is the Far East going?]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 5. pp. 5–8.
24. Dai Hongli. (2016) Economic development of the nrth-eastern border of China and Russian border cities: Analysis of restraining factors. *Gaige yu zhanlue*. 32 (269). pp. 142–147. (In Chinese).
25. Xu Zhang & Kunlun Chen. (2018) Which scale matters? Rethinking cultural industry development policies from a city network perspective. *Journal of Urban Affairs*. 12. pp. 2–17. DOI: 10.1080/07352166.2018.1550349

Received: 30 October 2020